

© 1996 г.

Э. В. КЛОПОВ

ИЗ ПЕРВЫХ ОПЫТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

КЛОПОВ Эдуард Викторович - доктор исторических наук, ведущий научный исследователь Института мировой экономики и международных отношений РАН.

Интерес социологов к проблемам реструктуризации российского общества под влиянием коренных перемен, начавшихся на рубеже 80-90-х годов, стал реализовываться в специальных исследованиях, потому прежде всего, что процесс становления новых общественных отношений начал обретать все большую определенность. И, соответственно, стал более "податлив" исследовательской мысли. К тому же, уже накоплены достаточно большие массивы эмпирической информации, отражающие различные аспекты этого процесса. В ряду появившихся в последнее время публикаций, посвященных этой теме, заслуживает внимательного прочтения "аналитическое обозрение" процессов становления новой социальной структуры и социальной стратификации российского общества¹.

Его авторы разделяют распространенную точку зрения насчет того, что в настоящее время в нашей стране происходит "весьма драматический переход от сословно-иерархической структуры к классовой", от общества бессубъективного (в котором не было "реальных классов в силу отсутствия экономических основ для их существования", поскольку не было реального собственника и свободного наемного работника) к обществу, для которого характерно формирование таких - и различных иных - субъектов социального действия. Хотя этот переход существенно отягощен "бременем прошлого развития", тем не менее, тенденции трансформации социальной структуры набирают силу. В том числе происходит становление двух экономических классов - собственников и наемных работников, хотя пока еще наиболее характерное состояние обоих этих классов - переходное. В целом с такой характеристикой основных тенденций происходящей реструктуризации российского общества можно согласиться, хотя два тезиса вызывают возражения. Во-первых, представляется ошибочной попытка авторов соответствующего раздела книги — вслед за некоторыми другими исследователями - анализировать процесс становления класса капиталистов-собственников, применяя коминтерновское клише о буржуазии компрадорской и национальной. Во-вторых, на мой взгляд, еще менее адекватна идея о разрушении интеллигенции как группы, прежде, якобы, занимавшей "традиционно особое место в социальной структуре", даже являвшейся "одним из столпов общественного устройства". Теперь же, сетуют авторы, произошел ее распад "на отдельные составные элементы", идет и стал необратимым процесс "трансформации социальной роли интеллигенции", так что она "утрачивает свою прошлую социальную специфику" (с. 16-17). Но если интеллигенция действительно была "столпом" тоталитарного общественного строя, то ее распад, утрата ею особой социальной роли и неизбежны, и позитивны. Но вот вопрос: а была ли она, именно как интеллигенция, т.е. "как духовный наставник, народная совесть, культурный элемент общества", особым социальным образованием, элементом социальной структуры? Или же просто мы так называли группу работников квалифицированного умственного труда? Но тогда нельзя говорить об утрате ею специфической роли и тем более о "конце" такой интеллигенции. В публикации наиболее интересны те ее разделы, в которых основой анализа служат массивы

В публикации наиболее интересны те ее разделы, в которых основой анализа служат массивы

¹ Социальная стратификация современного российского общества. Аналитическое обозрение / Отв. ред. Беляева Л.А. М.: Центр комплексных социальных исследований и маркетинга, 1995. 90 с.

оригинальной, к тому же собранной самими авторами социологической информации. Авторы рассматривают более частные аспекты трансформации и развития социальной структуры, но это такие "частности", из которых только и может сложиться цельная и, главное, реальная картина исследуемого процесса.

Один из самых интересных, на мой взгляд, разделов - тот, в котором на базе обследований, осуществленных под руководством чл.-кор. РАН Н.И. Лапина в 1990 и 1994 гг., рассматриваются сдвиги в социально-экономической структуре занятого населения Российской Федерации (автор раздела - Л.А. Беляева). Из приведенных здесь данных видно, что всего лишь за 4 года существенно (на 23 процентных пункта) снизилась доля респондентов, занятых в старых формах хозяйствования (на государственных предприятиях в колхозах, совхозах, бюджетных организациях) - с 91% до 68% (в пересчете, без учета не давших ответа). Между тем доля занятых в новых хозяйственных структурах (собственное дело, частная фирма, фермерское хозяйство, кустарное или ремесленное предприятие) возросла более чем на 9 пунктов (с 0,9% до 10,1%), а в переходных структурах (к ним в первой половине 90-х годов можно было причислить акционерные предприятия, а также арендные предприятия и кооперативы) - даже на 16 пунктов (с 4,8% до 20,8%-с. 20-21).

Вместе с тем, исследователями получены данные, позволяющие утверждать, что эти тенденции обусловлены не только внешними по отношению к работникам переменами в социально-экономической структуре народного хозяйства России, но и сдвигами в их собственных установках и ориентациях. Характерно, что респондентов, желавших работать в старых хозяйственных структурах, в 1990 г. оказалось на 33 пункта меньше, чем было реально в них занято, а в 1994 г. - на 29 пунктов меньше. Между тем желавших работать в новых структурах было в 1990 г. больше на 9, а в 1994 г. на 19 пунктов; тех же, кто хотел бы работать в хозяйственных структурах переходного типа, в 1990 г. было на 7 пунктов больше, чем реально в них трудилось, а в 1994 г., наоборот, на 3 пункта меньше. О взаимодействии объективных и субъективных факторов трансформации социально-экономической структуры занятого населения свидетельствуют также полученные исследователями и приведенные в рецензируемой работе сведения как с реальном распределении дополнительных (вторичных) занятий (о которых сообщили респонденты) по секторам народного хозяйства, так и о высказанных ими мнениях относительно того, где именно они хотели бы прирабатывать (с. 27-28).

Трудно поэтому согласиться с тезисом авторов о том, что "новые возможности для трудовой деятельности и профессиональной мобильности связаны не с прогрессом отраслевой структуры экономики скорее - с ее примитивизацией" (с. 25). Хотя сдвиги, происходящие в экономике России, действительно свидетельствуют о сильной тенденции к ее деиндустриализации, все же такой тенденцией не исчерпывается и даже не ею определяется характер перемен в общественном производстве и в социальной структуре населения. Об этом убедительно свидетельствуют сведения о сдвигах в структуре занятости.

Точно также они не подкрепляют пессимистического вывода о низком уровне социальной мобильности на современном этапе развития российского общества, в частности, потому, что оно, якобы, становится менее открытым (с. 25,44). Тем более, что данные о весьма интенсивных перемещениях работников между секторами народного хозяйства вполне коррелируют с выводами об их достаточно высокой субъективности готовности к переменам в характере трудовой деятельности и к смене социального статуса. Так, анализ материалов одного из исследований, осуществленных сотрудниками Института социологии РАН, выявил три группы респондентов с разнонаправленными стратегиями поведения - стабилизирующей, понижающей продвинутой - в зависимости от их потенциальной мобильности (авторы соответствующего раздела З.Т. Голенкова, Е.Д. Игитханян). К третьей, характеризующейся "стремлением индивида к восхождению вверх по социальной лестнице", исследователи отнесли более 2/5 опрошенных - несколько больше, чем первой, с направленностью "на сохранение своего социального (профессионального) статуса и отсутствие желания его изменить", и в два с лишним раза больше, чем ко второй группе, принадлежность к которой определялась нежеланием сопротивляться "движению вниз по социальной лестнице" (с. 45). Такое соотношение, бесспорно, отражает как раз потенциальную открытость общества, его ориентированность на глубокую трансформацию социальной структуры.

В "обзрении" исследуются влияние на динамику социальной структуры и других структуроформирующих факторов — таких, как положение людей в системе властных отношений (в данном случае речь идет о принадлежности респондентов к тому или иному уровню управленческой структуры на уровне организации), уровень автономности труда, отношение к работе, идентификация респондентов с теми или иными социальными образованиями. Такой подход обеспечивает более объемную и более объективную характеристику исследуемого процесса. Еще большее значение для решения этой задачи имеет пристальное внимание авторов к процессам социальной стратификации, современного российского общества (в соответствии с названием их коллективного труда). Этот ракурс исследования имеет тем большее значение, что в переходном состоянии, в каком находи сейчас наша страна, перемещения больших масс индивидов и целых социальных (демографических,

профессиональных, социокультурных) групп по оси "вверх-вниз", их расслоение на тех, кто выиграл и кто проиграл от происходящих перемен в общественном устройстве (и тех, кто пока еще не выиграл и не проиграл), оказывают особенно сильное воздействие на формирование новой социальной структуры российского общества. Данные процессы не только объективно являются таковыми, но и воспринимаются так массовым сознанием. Поэтому достоинством рецензируемого издания следует признать то, что в нем специальное внимание уделено противоречивым процессам формирования полярных общественных страт — бедных и богатых (при том, что проблемы места и роли в ратификационном процессе групп и слоев, располагающихся в социальном пространстве между этими полюсами, рассматриваются проходя, мимоходом). Ведь в переходных обществах именно то, что происходит верхних и нижних ступенях социальной иерархии, наиболее содержательно характеризует (и обуславливает) направленность и сущность структурно-стратификационных процессов, тогда как социальный облик стабильных (и лишь постепенно эволюционирующих) обществ определяется прежде его состоянием средних слоев.

В разделе, посвященном характеристике слоя бедных, наиболее важный результат анализа, на мой взгляд, выявление его сложной структуры - с одной стороны, из-за значительных различий в уровнях бедности, а с другой, в силу существенной неоднородности состава этого слоя, обусловленного различиями путей, ведущих в него. Авторы раздела (Л.А. Беляева, Л.А. Гордон) пишут, что нужно различать, во-первых, абсолютную бедность, когда доходы той или иной семьи либо целой группы населения не обеспечивают потребления, соответствующего принятым в обществе (как официально, так и в массовом знании) минимальным нормативам. Причем они выделяют три степени абсолютной бедности: нищету, положение людей, не располагающих физиологическим минимумом средств к жизни); нужду, охватывающую "те группы населения, которым хватает средств на простейшие физиологические нужды, но это не может удовлетворить полностью социальные потребности, даже самые элементарные"; необеспеченность, или умеренную бедность, когда "обеспечен прожиточный минимум, но нет достатка". Абсолютной бедностью ныне охвачено от $1/2$ до $2/3$ населения России (с. 52-53). Во-вторых, относительную бедность они определяют как состояние, в котором находятся массовые группы населения, "считающие ой уровень жизни существенно и неоправданно более низким, чем у иных социальных категорий или у себя лично в иное время" и потому субъективно пребывающие "в ситуации бедности, независимо от абсолютной величины их доходов и потребления". Здесь мы имеем дело скорее не с бедностью, но с обеднением - абсолютным или относительным; первый его уровень выражается в абсолютном ухудшении жизни, второй — в том, что "уровень жизни у части населения снижается, а у остального населения повышается". И если абсолютно беднее всех сегодня "те же, кто и раньше составлял низы общества", то относительно обеднели больше всех совсем другие люди, в массе своей принадлежащие прежде к средневысоким общественным группам" (с. 53-56).

Более продуктивному подходу не только к исследованию социальной структуры современного российского общества, но и к решению практических задач социальной политики способствует выявление еще одного различия в весьма многочисленном слое бедных и беднеющих - между бедностью "слабых", нетрудоспособных и малотрудоспособных (ее авторы называют социальной бедностью) и бедностью ильных" характерной для работников, вполне способных своим трудом обеспечивать себе и своей семье "нормальный" жизненный стандарт, но попавших в ситуацию, не позволяющую им сделать это (производственно-трудова, или экономическая бедность). Характерной особенностью нынешней ситуации нашей стране является то, что «бедность "слабых" усугубилась и соединилась с непривычной бедностью ильных"» (с. 59).

Выявление основных компонентов сложной структуры слоя бедных помогает более содержательно оценить и соотнести многочисленные социологические и статистические свидетельства снижения жизненного уровня населения России, определить как факторы и конкретные области его обеднения, так и основные направления и способы решения возникающих на этой почве проблем.

В разделе, посвященном анализу слоя богатых (авторы А.А. Овсянников, Н.М. Римашевская), акценты сделаны, наоборот, на его эмпирической характеристике. Еще в одном из предшествующих разделов явлено, что "происходит все большая концентрация богатства в руках все меньшей группы людей" (с. 54). о что это за люди, сколько их, каково на самом деле их богатство - социологические ответы на эти тросы в литературе найти не так-то просто, прежде всего потому, что "богатые — это тайна" (с. 69), они ;охотно сообщают какую-либо информацию о себе. Авторы данного исследования попытались идти "окольными путями" — рассмотреть слой богатых "глазами экспертов". Конечно, поскольку эксперты отбирались ими из разных социальных слоев и находятся на различных ступенях благосостояния, полученные материалы весьма сильно окрашены субъективными цветами: как признают сами исследователи, "в позициях экспертов доминируют... стереотипы социально-группового противостояния" (с. 76). А многих из опрошенных в качестве экспертов вообще вряд ли можно считать псовыми; они скорее просто наблюдатели (причем из небогатого "далека") процесса обогащения части

населения России. И, тем не менее, полученные материалы позволяют содержательно интерпретировать некоторые тенденции изучаемого процесса (тем более, что часть мнений экспертов - наиболее состоятельных, близких к слою богатых или даже входящих в него - это фактически самооценка, что дает возможность посмотреть на исследуемые процессы "изнутри").

По усредненному мнению опрошенных к слою богатых в нашей стране можно отнести от 8% до 12% населения, причем если те из них, кого исследователи отнесли к числу состоятельных, называют меньшие (и скорее всего более близкие к истине) цифры - 6,5-10%, то по мнению "малообеспеченных" и "бедных" экспертов, богатых в стране гораздо больше - от 9% до 14,5%. Любопытно, что эксперты, живущие в Москве, где процессы формирования слоя богатых зашли явно дальше, чем в других регионах, называют еще меньшие цифры - 5-8%; в других городах, таких как Петербург, Нижний Новгород, Екатеринбург, Иркутск и Воронеж, эти оценки близки к средним (с. 73, 87).

В свою очередь усредненная оценка ежемесячного дохода богатых людей в расчете на одного члена семьи, данная теми экспертами, кто отнесен к числу состоятельных, составила около 8 тыс. американских долларов, тогда как у остальных - от 3 до 4,5 тыс. Опять-таки московские эксперты оценили доходы богатых заметно выше, чем живущие в других городах: соответственно более 10 тыс. и 4-6 тыс.

На мнениях экспертов относительно социальной роли богатых, условиях их вхождения в этот слой, принятой ими системы ценностей особенно сильно сказалось "социально-групповое" противостояние. Они скорее характеризуют состояние общественного сознания по поводу формирования слоя богатых. Все же некоторые оценки имеют более или менее общий характер и могут быть использованы для анализа "богатого сословия". Например, практически все эксперты (94%) среди факторов, способствующих обогащению, на первое место поставили связи человека (разброс от 97% до 92%), на личные способности указали 85% (разброс мнений здесь достаточно велик — от 93% у состоятельных экспертов до 72% у бедных, все же и они не отрицают за новоявленными богачами этого важного качества). Третье-четвертое места получили должность, занимаемая до начала реформ, и предшествующая работа в партгосаппарате - 69% и 62% (при относительно небольшом разбросе мнений). Характерно, что последние места в предложенном "меню" факторов заняли связи с криминальными структурами (52%, разброс от 47% до 62%) и помощь родителей, родственников (47%, разброс от 34% до 56%) (с. 80, 84).

Авторы, предприняв исследование полярных социальных страт - бедных и богатых, внесли существенный вклад в анализ структурно-стратификационных процессов, происходящих в российском обществе. Меньше "повезло" совокупности социальных групп, расположенных между этими крайними областями социального пространства: если некоторые важные аспекты их структурализации в новых исторических условиях рассмотрены более или менее основательно (о чем сказано выше), то влияние на них процесса стратификации, равно как и их вовлеченность в этот процесс, здесь не стали предметом специального анализа. Можно найти только несколько беглых высказываний о том, что происходит перемещение больших масс индивидов (подразумевается - из этой совокупности) вниз по "лестницам" благосостояния, престижа, самоидентификации и одновременно немногих из них - вверх. А в результате якобы, происходит, "размывание потенциальной базы среднего слоя в России" (с. 25).

Рассуждения, что "при переходе общества к рынку необходим стабилизатор, коим может быть только средний класс", и что "к началу проведения реформ... существовала потенциально широкая база среднего класса", — это не более, чем недоразумение. Как свидетельствует исторический опыт, средний слой (иначе средний класс) формируется как важный элемент социальной структуры буржуазного общества в условия и в результате более или менее длительного функционирования и развития свободной рыночной экономики. А потому он, с одной стороны, не может ни существовать, ни даже "предсуществовать" в принципиально иных социально-экономических условиях. С другой стороны, средний класс обязательно будет складываться в России - как результат функционирования рыночной экономики, но именно "стихийно, без определенных усилий со стороны элиты" (хотя и с "усилиями" со сторон объективных социально-экономических процессов). И потому не может быть никаких программ "ускоренного формирования среднего класса", никаких "механизмов и рычагов" реализации таю программы (с. 15-16).

В целом, перед нами - солидная, обстоятельная и успешная попытка исследовать процесс реструктуризации и новой стратификации российского общества в условиях и под воздействием принципиальных перемен в его социально-экономическом и политическом устройстве.